

От редакции

Один из основных недостатков советского науковедения — дефицит обратной связи с наукой, которую оно изучает. Науковеды имеют смутное представление о том, как науковедческие идеи усваиваются самими учеными, на каком уровне они осуществляют свою повседневную науковедческую рефлексию. А осуществляют они ее неизбежно, поскольку мыслящие люди (а хочется надеяться, что ученые — люди мыслящие) не могут не задуматься над условиями своего труда и возможностями их улучшения. Письмо С. К. Шардыко — пример размышления об актуальных проблемах советской науки и способах их решения, осуществленного молодым исследователем. Редакция полагает, что это письмо представляет интерес для профессиональных науковедов, поскольку демонстрирует, как «изнутри» самой науки видятся проблемы, привычные для науковедческого анализа. Письмо публикуется без каких-либо изменений и редакторской обработки, дабы донести до читателей все нюансы размышлений ученого об организационных проблемах науки.

Всеохватывающая творческая пассивность массы научных работников — вот главная причина отставания нашей науки от мирового уровня. Эта универсальная пассивность непрерывно воспроизводится самой организацией советской науки. Стимулирование прямо противоположного качества — творческой активности, без которой невозможно достижение сколь-либо значимых результатов, следует ожидать от перестройки самой организации научного производства в СССР, принципов отбора научных кадров, от переориентации науки на формирование творческой личности.

Узкая специализация науки формирует взаимозаменяемых исследователей, и одно из ее следствий обнаруживается в повседневном отрицании претензий молодого исследователя на уникальность. Как личность творческая, — если этот исследователь действительно личность творческая, — он противостоит особому историческому типу научного руководителя, занявшего свое место в иерархии научных чинов и званий либо в силу сложившейся конъюнктуры, либо по воле случая. Руководитель этого типа — продукт той же массовой специализации — все видит и понимает, но ничего к лучшему изменить не может. Система производственных отношений современной науки ограничивает его возможности как субъекта управления.

Способы повышения эффективности научной работы и ее привлекательности для талантливой молодежи этот руководитель видит единственно в повышении оплаты труда научных работников. Но при неизменных принципах организации научного производства за этим, спору нет, привлекательным пожеланием обнаруживается всего лишь желание откупиться от творческих притязаний молодежи.

Человека с сильными внутренними побуждениями к творчеству невозможно увлечь рутинной работой за символическую надбавку к зарплате. Руководитель должен был бы развернуть перед ним реальную и близкую перспективу существенного повышения его профессионального и общественного статуса, материальной обеспеченности. И достижение этой перспективы должно в большей степени зависеть от его способностей, инициативы, упорства, личного вклада и в меньшей — от случая и авторитета руководителя. Но этот молодой человек крайне редко видит сегодня позитивный опыт предшественников, чтобы поверить в эту перспективу. Напротив, он быстро убеждается, что сама система производственных отношений препятствует развертыванию его творческого потенциала.

Мы часто слышим почти с упоением произносимое руководителем того или иного института (лаборатории, группы) заявление, что в его коллективе нет исследователей, способных выдвинуть собственную исследовательскую программу. Но это обычно не более как образчик отчаянного лицемерия. То, что из научной молодежи у нас крайне редко выдвигаются исследователи высшего ранга, есть свидетельство эффекта насыщения затянувшегося экстенсивного роста созданного по законам индустриализации социального института науки. Сегодня наиболее значимых результатов достигли те, кто имел реальную возможность выбора, начав два-три десятка лет назад

в период бурного роста науки разработку новых научных направлений на пустом месте. Эти люди, рассчитывая завершить начатое дело и занимая высокие ступени в научной иерархии, привлекают к реализации своих замыслов молодых способных исследователей.

Подчинить себя решению обычно чрезвычайно узкой задачи, которая при нашем дефиците лаборантов и жалком приборном обеспечении очень часто требует от инженера или научного сотрудника лишь квалификации слесаря-сборщика, есть практически единственный способ включиться в коллективную работу научного сообщества. И здесь официальная наука массово воспроизводит парадоксальную ситуацию. Генератор исследовательской программы жаждет талантливых учеников, а обречен иметь дело лишь с теми, кого устраивает положение и зарплата современного инженера. На творческую натуру тот род исполнительской работы, который по чьему-то недоумию у нас называют инженерной, действует как мощный фактор социального отбора, формирующий даже из потенциально творческой личности скверного работника. Эта личность, — а личность в любой ситуации есть творческая личность, — найдет выход своей активности где угодно, только не на рабочем месте. Молодежь пассивна и безынициативна, инфантильна и склонна к иждивенчеству потому, что пассивность поощряется нашей действительностью, что за призывами держать она не видит действительной потребности общества в ее зрелых мыслях и инициативных решениях, а дух иждивенчества порождается несоизмеримостью потребностей (не в последнюю очередь потребностью в творчестве) и возможностей молодежи.

Натура с сильными внутренними мотивами к творческой общественно значимой деятельности весьма прохладно относится к исполнению работы по заданным образцам. Смысл своего пребывания в академическом институте такой человек видит в постановке и решении принципиально новых проблем. Но если он отваживается на инициативу в надежде реализовать свое право на творческий выбор, гарантированное формальной причастностью к академической науке, то в громадном большинстве случаев эта его инициатива расценивается коллегами как неуместная и пресекается вопреки звучащим с самых высоких трибун призывам к инициативе и творчеству. Ожидаемая научным руководителем инициатива есть в действительности особого рода исполнительская активность, требующая сообразительности, ловкости, а иногда и проницательности. Инициатива всегда неожиданна. И где она есть — призывы не нужны, а где для инициативы нет условий — призывы бесполезны. Призывы к «ожидаемой инициативе» сами по себе есть отрицание инициативы.

Система производственных отношений современной науки образует механизм торможения, препятствующий выдвижению новых идей. В конкретном сложившемся научном коллективе, стремящемся сохранить себя в качестве целостной системы, она исключает продвижение по служебной лестнице потенциальных генераторов радикальных идей, отстраняет их от участия в коллективной работе по критическому обоснованию исследовательской программы. Не исключено, что в коллективе осуществляется интенсивный поиск путей перестройки исследовательской программы. Однако этот поиск, в подавляющем числе случаев являющийся поиском «проблем исследований под специалистов», сосредоточен в пределах программы и субъективно воспринимается его участниками как работа по ее развитию и укреплению. Деятельность, направленная на ее приведение в соответствие с изменившимся состоянием науки, не поощряется. Идеи альтернативной программы игнорируются. Работы, их содержащие не обсуждаются и не рекомендуются к публикации. Отсутствие исследовательской программы или ее полная реализация делают этот механизм отстранения только более эффективным, а приемы торможения еще более изощренными. Любая новая идея есть позитивная критика старой, но механизм торможения не есть зажим критики, поскольку «зажать» можно только уже нечто реально существующее. Действие же механизма торможения направлено против идеи, еще находящейся в стадии формирования, против того, чего еще нет и что не может оказать реального противодействия.

Этим еще реально не существующим идеям и предстоит оказать решающее воздействие на развитие научно-технической мысли, но не они становятся объектом научного прогнозирования и не они попадают в долгосрочные программы развития науки. Такие прогнозы, а в действительности экстраполяции на будущее осуществляемых НИОКР имеют силу до исчерпания уже реализуемых исследовательских программ, т. е. на 10—12 лет вперед, что ставит под сомнение выбор в качестве экспертов специалистов, реализовавших свой творческий потенциал, а потому и занимающих высокие места в научной иерархии. Даваемые ими рекомендации часто порождены не анализом научного процесса (к этой деятельности случайным образом отобранный эксперт неподготовлен), а желанием, используя поддержку составителей прогноза, подняться в научной иерархии, чтобы в будущем продолжать свои исследования. В прогнозируемый период эксперт уступит свое место исследователю с новой программой, однако существующий способ отбора экспертов подобно тому, как генераторы новых программ оставляет вне поля зрения составителей прогнозов. В результате, составитель прогноза формирует заведомо ложный образ науки будущего при всем том, что эта наука в неясной, потенциальной, зачаточной форме существует уже сегодня в идеях, не воспринимаемых пока еще как серьезная альтернатива, поскольку их авторам еще предстоит занять соответствующие места в научной иерархии.

Чтобы в том или ином коллективе вовремя обнаружить ростки большой научной идеи, необходимо параллельно с его научной деятельностью осуществлять особого рода науковедческую деятельность, ориентированную на выявление потенциальных генераторов новых идей и новых исследовательских программ. К этой работе необходимо привлекать исследователей с естественнонаучным и техническим образованием, работающих непосредственно в исследовательских, проектных и конструкторских коллективах, профессионально знакомых со спецификой конкретных областей научного и технического значения. От этих людей, имеющих представление о факторах,

определяющих облик современной науки, о природе механизма торможения научного прогресса, способных за фактами истории науки разглядеть закономерности ее развития и извлечь уроки, осваивая которые только и можно изменить господствующие в науке производственные отношения, следует ждать компетентной оценки исторических перспектив конкретных направлений научных исследований, необходимой при составлении эвристически ценных прогнозов и программ научно-технического развития общества, умения аргументированно противопоставить точку зрения новатора чиновной амбиции высокопоставленного руководителя. В такого рода исследовательской работе можно увидеть особую роль науковедения в перестройке советской науки.

С. К. Шардыко (Свердловск)

СОЗДАДИМ ФОНД ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Наше обращение мы адресуем всем читателям ВИАТ, всем членам Советского национального комитета по истории и философии науки и техники, их коллегам, друзьям и знакомым — всем кто имеет в своем распоряжении какие-либо изобразительные материалы, свидетельствующие о развитии в нашей стране и за ее пределами изучения истории науки и техники.

История науки и техники как область специальных научных исследований и знаний все еще считается молодой. Но уже сменилось не одно поколение историков, возникали и исчезали историко-научные исследовательские центры и общества, менялись взгляды, концепции, ценностные ориентиры, новации обращались в стереотипы и догмы. Весь этот процесс развития есть неразрывная и самоценная часть общего культурного движения, генезиса научно-исторических знаний и уже только поэтому заслуживает быть запечатленным. Следует учесть еще один важный аспект. История научно-технических знаний имеет на редкость неразработанную собственную историю и вследствие этого несколько затуманенное будущее. Лишь в последнее время здесь наметились определенные позитивные движения.

Рациональное познание прошлого без изучения исторических источников невозможно. Нам уже доводилось публично обращать внимание на необходимость систематического и целенаправленного комплектования источниковой базы разворачиваемых ныне исследований по историографии истории науки и техники. Необходимы последовательный поиск, выявление и сбор документальных материалов историко-научных исследовательских учреждений и общественных организаций, личных документальных фондов историков науки, сбор воспоминаний и инициирование их создания и т. д. Но есть еще один класс источников — изобразительные, которые, насколько известно, никто специально не собирает и не хранит. Происходит это по ряду причин. В числе их и развитый комплекс, взращенный в особых для нашей дисциплины условиях — от полного ее упразднения до «почетного» места пристяжной в идеологической колеснице тоталитарного режима. Определенную роль, конечно, играет и нормальное, естественное чувство скромности, впрочем, иногда чрезмерное. Так или иначе, но собственное прошлое, *своя* история не виделась достойной припоминания. Вообще в истории науки, наверное как ни в какой другой отрасли исторических знаний, не развито понятие собственного классического наследия, несмотря на то что среди историков науки и техники были люди выдающихся талантов, научной продуктивности и человеческих достоинств. Стоит ли удивляться, что визуальные свидетельства жизни и творчества историков науки в лучшем случае составляют домашние собрания, и хорошо, если они сохраняются как семейная реликвия одно-два поколения. Но специалистам (да и не только им) известно немало случаев, когда в силу различных причин и обстоятельств эти собрания постигала плачевная участь. Таким образом, первоочередная задача — воспрепятствовать их рассеянию и уничтожению. Это тем более важно, что потребность в изобразительных материалах будет неуклонно возрастать. Статьи и книги о профессиональных историках науки и техники появляются все чаще. А как известно, жанр научной биографии почти немислим без зримых образов минувшего: изображений героя, его предков, потомков, учеников и последователей и т. п. Адресуя наше обращение ко всем членам историко-научного сообщества, мы надеемся на поддержку и всеобщее осознание исторической ценности изобразительных материалов, необходимости их сохранения, поиска и концентрации, для чего следует создать единый центр документации. Для этой цели, на наш взгляд, как нельзя лучше подойдет иконотека ИИЕТ АН СССР, организованная в 1974 г. с целью создания возможно полного систематизированного собрания иконографических материалов по истории науки и техники. За прошедшие годы в иконотеке собраны и хранятся свыше 6 тыс. документов. Это портреты ученых и деятелей науки и техники, изображения научных приборов, медалей, научных учреждений, лабораторий, музеев, копии титульных листов различных редких и уникальных изданий и т. п. В иконотеке хранятся литографии и гравюры XVIII—XX вв., фотонизображения. Материалы ряда ученых выделены в самостоятельные фонды, в том числе коллекция (свыше тысячи единиц хранения) И. К. Андропова.

За прошедшие годы накоплен значительный опыт работы по комплектованию, описанию и научной обработке, обеспечению нормальных условий хранения изобразительных материалов. Фонды иконотеки находят применение в работе достаточно широкого круга исследователей. В иконотеке проводятся также самостоятельные исследования изобразительных материалов